

— «Портрет Сергея Саввича Яковлева», Владимир Боровиковский, после 1805 года

— «Натюрморт с корзиной фруктов», Иван Хруцкий, 1853 год

— «Поморы шкерят треску», Климент Редько, 1925 год

произошел с полотном, черно-белую фотографию которого Беккерман увидел в газете в 1990-е. На торги маленького аукциона выставилась работа американского художника-мариниста Хансена. Но Беккерман узнал кисть Айвазовского и поехал в маленький городок в нескольких часах езды от Нью-Йорка, чтобы посмотреть на полотно. И действительно, на огромный холст размером 2 x 3 м над различной подписью «Айвазовский» стояла другая — «Хансен» (судя по всему, владельцы картины о существовании русского художника не знали и рассудили, что для выгодной продажи лучше поставить знакомую в США фамилию). Беккерман хотел выкупить полотно сразу, предлагая сумму, в разы превышающую верхний предел заявленного эстимейта, но владельцы настаивали на официальной продаже. На торгах Беккерман купил Айвазовского за \$7 тыс. Когда бизнес стал приносить деньги, Беккерманы начали приобретать для себя. Одни произведения оставались в личном собрании, другие продавались вновь, уступая место новым находкам. Так, в течение примерно 30 лет сформировалось одно из уникальнейших собраний русской живописи с большим количеством редких работ довоенного периода. О том, может ли арт-дилер быть коллекционером, спорят и по сей день. Стоит ли арт-дилеру собирать собственную коллекцию? Могут ли при-

надлежащие ему работы участвовать в музейных выставках? Каковы в таком случае должны быть отношения художник—арт-дилер—коллекционер, чтобы никто не чувствовал себя обделенным? «Беккерман — пионер в плане собирательства, — рассказывает директор Государственного института искусствознания доктор искусствоведения Наталья Сиповская. — Он реанимировал профессию арт-дилера как одну из важнейших составляющих всей конструкции культуры как таковой. Он замечательный коллекционер и эксперт, вкус у него отменный. В силу нашей отечественной традиции все заявляют себя коллекционерами, часто опуская то, что в той или иной степени они являются арт-дилерами. Беккерман же первым заявил о себе открыто как об арт-дилере. В силу нашей исторической традиции слово „арт-дилер“ имеет негативный оттенок. Это клише 1970-х, когда „искусство принадлежало народу“. Но бизнес — такая же составляющая культуры, как музей, реставрационная мастерская или частная коллекция. Это тот сегмент, без которого вся конструкция лишена смысла. Роль маршанов во Франции — доказательство того, что дилеры часто оказываются прозорливее критиков». Очередная выставка произведений из коллекции Беккермана в Екатеринбурге — лучшее тому подтверждение.